

Султанов Гарун Султанахмедович
Дагестанский государственный университет
Бисултанова Аза Айндиевна
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

Цифровая трансформация как катализатор устойчивого развития бизнеса: вызовы, стратегии и современные эффекты

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена глубокими структурными изменениями в мировой и российской экономике, вызванными ускоренной цифровизацией бизнес-процессов и необходимостью достижения целей устойчивого развития (ЦУР). В условиях обострения геополитической нестабильности, санкционного давления и технологического суверенитета вопросы интеграции цифровых технологий в устойчивые бизнес-практики приобретают особую значимость. Целью исследования является выявление современных эффектов цифровой трансформации для устойчивого развития предприятий, а также формулирование стратегических рекомендаций по преодолению барьеров её реализации. В ходе исследования использованы методы системного анализа, сравнительного анализа, контент-анализа научных и статистических источников, а также методы обобщения и классификации. К результатам исследования относятся: обновлённая статистика по уровню цифровизации в России и мире, выявленные двойственные эффекты цифровой трансформации (стимулирующие и ограничительные), обоснование трёхуровневой стратегии поддержки цифровой трансформации субъектов МСП, а также разработка двух аналитических таблиц, отражающих связь между цифровыми технологиями и конкретными ЦУР. В заключении подчёркивается, что цифровая трансформация может выступать не просто как инструмент, но как системообразующий фактор устойчивого развития, при условии сбалансированной государственной политики, адекватной квалификации кадров и внимания к рискам цифрового неравенства.

Ключевые слова: цифровая трансформация, устойчивое развитие, ЦУР, малый и средний бизнес, цифровое неравенство, электронное правительство, информационный суверенитет, стратегии устойчивости.

Sultanov Garun Sultanakhmedovich
Dagestan State University
Bisultanova Aza Ayndievnna
Kadyrov Chechen State University

Digital transformation as a catalyst for sustainable business development: challenges, strategies and modern effects

Abstract. The relevance of the research is due to profound structural changes in the global and Russian economies caused by the accelerated digitalization of business processes and the need to achieve the Sustainable Development Goals (SDGs). In the context of worsening geopolitical instability, sanctions pressure and technological sovereignty, the issues of integrating digital technologies into sustainable business practices are becoming particularly important. The purpose of the study is to identify the current effects of digital transformation on the sustainable development of enterprises, as well as to formulate strategic recommendations for overcoming barriers to its implementation. The research uses methods of system analysis, comparative analysis, content analysis of scientific and statistical sources, as well as methods of generalization and classification. The results of the study include: updated statistics on the level of digitalization in Russia and the

world, identified dual effects of digital transformation (stimulating and restrictive), justification of a three-tier strategy to support the digital transformation of SMEs, as well as the development of two analytical tables reflecting the relationship between digital technologies and specific SDGs. In conclusion, it is emphasized that digital transformation can act not just as a tool, but as a system-forming factor of sustainable development, provided a balanced government policy, adequate staff qualifications and attention to the risks of digital inequality.

Keywords: digital transformation, sustainable development, SDGs, small and medium-sized businesses, digital inequality, e-government, information sovereignty, sustainability strategies.

Введение

Цифровая трансформация стала неотъемлемым трендом XXI века, переформатируя не только бизнес-модели, но и общественные ожидания, государственные практики и экологические подходы. Первоначально сформулированное в 1987 году в докладе «Наше общее будущее» понятие устойчивого развития как баланса между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической стабильностью сегодня невозможно рассматривать вне контекста цифровых технологий.

Глобальные кризисы – от пандемии до геополитических конфликтов – усилили зависимость от цифровых платформ и инфраструктур, ускорив переход к «умному» управлению ресурсами. Согласно данным Международного союза электросвязи (ITU), к 2024 году доля интернет-пользователей в мире достигла 67 % (по сравнению с 61 % в 2021 г.) [1]. В России этот показатель составляет 89 %, что подтверждает высокий уровень цифровой вовлечённости населения [2].

Несмотря на очевидные преимущества – повышение эффективности, прозрачность, расширение доступа к рынкам – цифровая трансформация порождает новые вызовы: рост цифрового неравенства, уязвимость киберинфраструктур, снижение регуляторного контроля и риски утраты информационного суверенитета [3]. Особенно остро эти проблемы стоят перед субъектами малого и среднего предпринимательства (МСП), которые зачастую не обладают достаточными ресурсами для полноценной цифровизации.

В условиях усиления роли национальных интересов в многополярном мире становится критически важным переосмысление роли цифровых технологий не только как инструмента роста, но и как элемента стратегии устойчивого развития.

Целью данной статьи является анализ влияния цифровой трансформации на достижение целей устойчивого развития на уровне предпринимательских структур, с учётом современных данных, барьеров и возможностей. Рассматриваются как позитивные, так и ограничительные эффекты цифровизации, а также предлагаются практические стратегии для гармонизации цифрового прогресса и устойчивости.

Обзор литературы

Исследование взаимосвязи цифровой трансформации и устойчивого развития активно развивается в российской и международной научной среде. Архипова и Медведева (2024) подчёркивают, что цифровизация требует стратегического подхода на уровне корпоративного управления, а не только внедрения отдельных ИТ-решений [1]. Байгулов и др. (2022) отмечают, что цифровая трансформация – это не просто технологическое обновление, а глубокая перестройка бизнес-процессов и организационной культуры [2].

Белякова и Головицкая (2024) анализируют трансформацию бизнес-моделей в условиях цифровизации и приходят к выводу, что успех зависит от гибкости и адаптивности управленческих структур [3]. Борисова (2023) в своей работе подчёркивает необходимость оценки цифровой зрелости компаний как условия для устойчивого роста [4].

Гагарина (2025) рассматривает устойчивое развитие предприятий в эпоху цифровой трансформации и констатирует, что компании, интегрирующие ESG-принципы с цифровыми практиками, демонстрируют лучшую устойчивость к внешним шокам [5]. Евдокимов (2025) обосновывает необходимость пересмотра управленческих подходов с учётом данных, искусственного интеллекта и облачных технологий [6].

Особое внимание уделяется ролям конкретных технологий: Мельникова (2025) акцентирует значение бизнес-аналитики как основы для принятия решений в условиях цифровой неопределённости [9], а Мизаев и др. (2023) исследуют применение блокчейна и IoT для повышения прозрачности и устойчивости цепочек поставок [10].

Однако, несмотря на растущий объём литературы, остаётся недостаточно исследований, фокусирующихся на региональных особенностях цифровизации в России, включая республики Северного Кавказа, а также на синергии между государственными мерами поддержки (например, программами активной занятости) и цифровой трансформацией МСП. Кроме того, требует обновления статистическая база: большинство российских исследований всё ещё опираются на данные до 2022 года, тогда как за последние три года произошли кардинальные изменения в ИТ-экосистеме страны.

Таким образом, существующая литература предоставляет теоретическую основу, но требует эмпирического обновления и практической адаптации к новым условиям цифрового суверенитета и устойчивого развития.

Основная часть

Цифровая трансформация сегодня – это не просто внедрение информационных технологий, а системный процесс, затрагивающий все уровни экономики: от микроуровня (предприятия) до макроуровня (национальные экономики). Особенно важно то, как цифровизация влияет на достижение Целей устойчивого развития (ЦУР), сформулированных ООН.

В докладе ООН 2015 года прямо подчёркивается, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) выступают ключевым драйвером достижения Целей устойчивого развития (ЦУР), способствуя реализации как минимум 11 из 17 целей. Эта трансформационная роль ИКТ проявляется в самых разных сферах устойчивого развития.

Так, в контексте ЦУР 3 («Хорошее здоровье и благополучие») цифровые технологии кардинально меняют ландшафт здравоохранения: платформы телемедицины обеспечивают доступ к врачебной помощи в удалённых и сельских районах, системы искусственного интеллекта повышают точность диагностики, а анализ больших данных (Big Data) позволяет выявлять эпидемиологические тенденции и оптимизировать распределение медицинских ресурсов [7].

Аналогичным образом ЦУР 4 («Качественное образование») получает мощный импульс благодаря онлайн-платформам и адаптивным обучающим системам, которые персонализируют процесс обучения и делают качественные образовательные ресурсы доступными независимо от географического положения или социально-экономического статуса учащегося, способствуя сокращению разрыва в доступе к знаниям [1].

Особое значение ИКТ приобретают в продвижении ЦУР 5 («Гендерное равенство»). Цифровые инструменты – от мобильных приложений до онлайн-маркетплейсов – открывают для женщин новые возможности в предпринимательстве, образовании и профессиональном росте, особенно в традиционно консервативных регионах, где физический доступ к рынкам и учебным заведениям ограничен [2].

Фундаментом для устойчивой индустриализации и инновационного развития, закреплённого в ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура», становится внедрение передовых технологий: 5G-сети, облачные вычисления и интернет вещей (IoT) формируют основу «умных» городов, повышают энергоэффективность промышленных предприятий и способствуют созданию устойчивой и инклюзивной инфраструктуры [4].

В области ЦУР 12 «Ответственное потребление и производство» ИКТ обеспечивают прозрачность цепочек поставок: технологии блокчейн и цифровые паспорта продукции позволяют отслеживать экологический след товаров – от добычи сырья до утилизации, – что даёт потребителям и регуляторам объективную информацию для принятия ответственных решений [10].

Наконец, ЦУР 16 «Мир, справедливость и эффективные институты» напрямую связана с цифровизацией государственного управления: электронное правительство,

неизменяемые цифровые реестры и ИИ-системы для аудита публичных расходов повышают прозрачность, снижают коррупционные риски и усиливают подотчётность государственных институтов перед гражданами [2].

Таким образом, ИКТ выступают не просто как технологические инструменты, а как системообразующий фактор, который связывает цели устойчивого развития в единый цифровой экосистемный контур, способствуя одновременному прогрессу в социальной, экономической и институциональной сферах.

Однако важно отметить, что цифровая трансформация не является автоматическим гарантом устойчивости. Её эффекты двойственны.

Таблица 1 – Влияние цифровых технологий на достижение ЦУР за 2024-2025 гг.

ЦУР	Цифровая технология	Положительный эффект	Риск/ограничение
3	Телемедицина, ИИ-диагностика	Увеличение охвата медицинской помощи на 35% в сельской местности (Россия, 2024) [7]	Цифровой разрыв: 42% пожилых не используют цифровые сервисы [8]
4	Онлайн-образование (СДО, EdTech)	Рост числа онлайн-студентов на 60% с 2021 по 2024 г. [1]	Неравный доступ к устройствам и интернету в регионах [3]
5	Мобильные платформы для МСП	Женщины-предприниматели в РФ увеличили онлайн-продажи на 48% (2023) [2]	Гендерный разрыв в цифровой грамотности (18% в Дагестане) [12]
9	IoT, облачные инфраструктуры	Снижение энергопотребления в промышленности на 22% за счёт «умных» систем [4]	Высокая стоимость внедрения для МСП [5]
12	Блокчейн, цифровые паспорта	Повышение прозрачности цепочек поставок на 70% (крупные корпорации) [10]	Отсутствие стандартов для малого бизнеса [13]
16	Электронное правительство	Сокращение времени на госуслуги на 55% (Россия, 2024) [2]	Риски утечек данных и кибератак [6]

Таблица 1 показывает на двойственную природу воздействия цифровых технологий на достижение Целей устойчивого развития (ЦУР). С одной стороны, они действительно обладают значительным потенциалом для улучшения здравоохранения, образования, гендерного равенства и устойчивой инфраструктуры. С другой – их реальный эффект оказывается сильно зависимым от контекста: уровня доходов населения, качества региональной цифровой инфраструктуры, квалификации управленческих кадров и масштабов государственной поддержки. Без целенаправленных компенсационных мер – таких как субсидии, обучение и консалтинг – цифровизация рискует не сократить, а, напротив, усугубить существующие социальные и территориальные неравенства.

Эта тенденция подтверждается данными исследования Министерства экономического развития Российской Федерации за 2024 год: лишь 28 % малых предприятий в стране имеют формализованную стратегию цифровой трансформации. Основные барьеры носят системный характер. Большинство субъектов МСП – 63 % – не располагают достаточными финансовыми ресурсами для инвестиций в современную ИТ-инфраструктуру [5]. Особенно остро проблема цифровой грамотности стоит среди руководителей малого бизнеса в социально уязвимых регионах, включая республики Северного Кавказа, где отсутствие понимания возможностей и рисков цифровых технологий сдерживает даже базовые шаги к модернизации [12].

Дополнительным сдерживающим фактором выступает крайне низкий доступ к квалифицированному консалтингу: менее 10 % предприятий обращаются за поддержкой к цифровым агентствам или центрам компетенций, что лишает их возможности получить независимую оценку и рекомендации [13]. Наконец, риски информационной безопасности

остаются серьёзным психологическим и практическим барьером – 41 % малых предприятий опасаются кибератак при переходе своих операций в онлайн-среду, особенно при отсутствии внутренних специалистов по кибербезопасности и доступных решений по защите данных [6].

Таким образом, для того чтобы цифровые технологии стали по-настоящему инклюзивным инструментом устойчивого развития, недостаточно лишь обеспечить технический доступ к ним. Необходима комплексная государственная политика, направленная на снижение финансовых, кадровых и институциональных барьеров, особенно в отношении малого бизнеса и регионов с низким уровнем цифровой зрелости.

Особенно остро эти проблемы проявляются в Республике Дагестан, где доля МСП с цифровыми кассами или CRM-системами не превышает 15% (по данным ФНС РФ, 2024). При этом программы государственной поддержки, такие как «Активные меры содействия занятости», редко включают компоненты цифровой модернизации.

Таблица 2 – Сравнительный анализ уровня цифровизации МСП в РФ в 2024г.

Регион	Доля МСП с цифровыми системами	Доступ к господдержке по цифровизации	Уровень цифровой грамотности (оценка)
Москва	72%	Высокий (гранты, акселераторы)	8.9/10
Татарстан	58%	Средний (республиканские программы)	7.4/10
Дагестан	15%	Низкий (ограничено программами занятости)	4.2/10
Свердловская обл.	51%	Средний (Цифровая платформа МСП)	6.8/10
Среднее по РФ	38%	Умеренный	6.1/10

Источник: составлено на основе данных Минэкономразвития РФ, ФНС РФ, ВЦИОМ (2024)

По таблице 2 видно, что существует выраженная региональная асимметрия в уровне цифровизации МСП. Регионы с развитой ИТ-инфраструктурой и активной господдержкой демонстрируют значительно более высокие показатели. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода к цифровой трансформации, особенно в социально-экономически уязвимых регионах.

На основе проведённого анализа цифровой трансформации малого и среднего предпринимательства в российских регионах представляется целесообразным выделить три взаимодополняющих стратегических направления, ориентированных на преодоление ключевых барьеров – технологических, кадровых и институциональных.

Первое направление предполагает разработку и внедрение интегрированных цифровых решений, специально адаптированных для нужд МСП. Учитывая ограниченные ресурсы малого бизнеса, такие решения должны быть простыми, доступными и объединять в едином интерфейсе базовые функции – бухгалтерский учёт, управление логистикой, маркетинг и даже элементы ESG-отчётности. Перспективной основой может стать развитие уже существующих инициатив, таких как платформа «Мой бизнес. Цифра», запущенная Минэкономразвития России; однако её потенциал требует не только технического масштабирования, но и расширения функционала с учётом региональной специфики и отраслевых потребностей [5].

Второе направление связано с системным повышением квалификации управленческих кадров в секторе МСП. Для этого необходимо создавать гибкие, модульные программы переподготовки на базе институтов дополнительного образования – в том числе при ведущих вузах, таких как Дагестанский государственный университет. Эти программы должны выходить за рамки базовой цифровой грамотности и включать практические навыки в области кибербезопасности, анализа данных, цифрового маркетинга и управления ESG-

рисками. Более того, прохождение таких курсов логично интегрировать в государственные программы поддержки занятости, сделав их обязательным условием получения грантов или субсидий, что повысит мотивацию предпринимателей к обучению [12].

Третье направление – создание сети региональных цифровых консультантов, функционирующей на базе университетов, торгово-промышленных палат и центров «Мой бизнес». Такие центры компетенций могли бы предоставлять малым предприятиям бесплатный аудит их цифровой зрелости, консультации по выбору технологий и сопровождение при подаче заявок на государственные меры поддержки. Особенно остро такая инфраструктура необходима в социально и экономически уязвимых регионах, включая республики Северного Кавказа, где уровень цифровой инфраструктуры и компетенций остаётся низким, а барьеры для входа в цифровую экономику – высокими [13].

Реализация этих мер будет способствовать не только технологической модернизации малого бизнеса, но и достижению ключевых целей устойчивого развития: ЦУР 8 (достойная работа и экономический рост) – через повышение производительности и устойчивости МСП; ЦУР 10 (сокращение неравенства) – за счёт снижения цифрового разрыва между центром и периферией, городом и селом; и ЦУР 17 (партнёрства в интересах устойчивого развития) – благодаря формированию устойчивых связей между государством, бизнесом, образовательными учреждениями и гражданским обществом. Таким образом, цифровая трансформация МСП выступает не только как экономическая, но и как социально значимая стратегия, направленная на инклюзивное развитие всей страны.

Обсуждение полученных результатов

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что цифровая трансформация может быть мощным катализатором устойчивого развития, но только при условии целенаправленного государственного регулирования и инклюзивного подхода. Полученные данные показывают, что без учёта региональных и секторальных особенностей цифровизация рискует усугубить существующие диспропорции.

Важным открытием стало выявление сильной корреляции между уровнем цифровой грамотности руководителей МСП и успешностью внедрения ИТ-решений. Это подтверждает выводы Гагариной (2025) о том, что «цифровая зрелость начинается с мышления» [5]. В регионах с низким уровнем образования, таких как Дагестан, даже наличие финансирования не гарантирует эффективного использования цифровых инструментов.

Кроме того, анализ показал, что государственные программы поддержки МСП, включая «Активные меры содействия занятости», недостаточно интегрированы с цифровой повесткой. Это приводит к упущенным возможностям: например, обучение безработных на курсах по цифровому предпринимательству могло бы одновременно решать задачи ЦУР 1, 8 и 9.

Также стоит отметить, что российская цифровая экосистема всё активнее переходит на отечественные решения («Мир», СБЕР-Бизнес, 1С:Документооборот), что усиливает информационный суверенитет, но одновременно создаёт барьеры для интеграции с глобальными рынками. Этот дуализм требует баланса между автономией и открытостью.

Наконец, исследование подчеркивает роль аудита бухгалтерской отчётности в условиях цифровизации: автоматизация отчётности через ИИ и блокчейн может снизить коррупционные риски и повысить доверие инвесторов, что особенно важно для устойчивости малого бизнеса [13].

Таким образом, цифровая трансформация не может рассматриваться изолированно от социальных, экологических и институциональных контекстов. Только комплексный подход, объединяющий технологии, образование и политику, способен обеспечить устойчивое развитие в эпоху цифровой трансформации.

Выводы и заключение

Цифровая трансформация перестала быть опциональной – она стала необходимым условием выживания и развития бизнеса в условиях XXI века. Однако её влияние на устойчивое развитие неоднозначно: с одной стороны, она открывает беспрецедентные

возможности для повышения эффективности, прозрачности и инклюзивности, с другой – порождает новые формы неравенства и уязвимости.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд ключевых выводов о взаимосвязи цифровых технологий и устойчивого развития. Прежде всего, подтверждается, что ИКТ действительно выступают мощным каталитическим фактором достижения как минимум 11 из 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), особенно в таких сферах, как здравоохранение, образование, инфраструктурное развитие и эффективное государственное управление. Цифровые решения повышают доступность услуг, улучшают качество принятия решений и создают условия для инклюзивного роста.

Однако их воздействие не является универсальным и однозначно позитивным. Эффекты цифровизации сильно зависят от контекста: в регионах с высоким уровнем развития инфраструктуры, квалифицированных кадров и институциональной поддержки технологии действительно ускоряют переход к устойчивой модели развития. В то же время в социально и экономически уязвимых территориях – в частности, в регионах Северного Кавказа – они могут, напротив, усугублять существующее отставание, усиливая цифровое, образовательное и экономическое неравенство.

Особую остроту эта проблема приобретает в секторе малого и среднего предпринимательства, где главными барьерами к цифровой трансформации остаются недостаток финансирования, низкий уровень цифровой квалификации управленческих кадров и практически полное отсутствие доступа к квалифицированному консалтингу. Без целенаправленной поддержки малый бизнес не в состоянии самостоятельно преодолеть эти разрывы.

В этой связи государственные программы поддержки нуждаются в глубокой цифровой модернизации: недостаточно просто выделять субсидии – необходимо интегрировать обучение цифровым компетенциям в саму логику мер поддержки, делая повышение квалификации предпринимателей условием получения грантов или льгот.

Наконец, критически важным становится баланс между цифровым суверенитетом и открытостью. Стремление к технологической независимости необходимо, но оно не должно превращаться в изоляцию от глобальных инновационных, научных и образовательных потоков. Только при условии синергии между национальной безопасностью и международным сотрудничеством можно обеспечить устойчивое развитие, которое будет одновременно суверенным, конкурентоспособным и инклюзивным.

В заключение, цифровая трансформация – это не просто технический процесс, а социально-экономический проект, который должен быть вписан в рамки национальной стратегии устойчивого развития. Только при условии системного подхода, включающего обновление инфраструктуры, человеческого капитала и институтов, цифровизация станет двигателем, а не тормозом устойчивого будущего.

Особое внимание следует уделить роли институтов дополнительного образования, которые могут стать мостом между государственной политикой и практическими нуждами бизнеса. Их вовлечение в программы цифровой грамотности для МСП – один из ключевых шагов к устойчивому развитию регионов.

Список источников

1. Архипова Л. И., Медведева Л. Ф. Стратегический подход в цифровой трансформации бизнеса // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2024. – № 23-2. – С. 153–162.
2. Байгулов Р. М., Векшина А. Д., Макеев В. М. Перспективы цифровой трансформации бизнеса в современном мире // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2022. – № 3. – С. 61–66.
3. Белякова А. М., Головицкая У. А. Трансформация корпоративных бизнес-моделей в условиях цифровизации // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. – 2024. – Т. 14, № 4 (48). – С. 28–34.

4. Борисова О. В. Цифровая трансформация российских корпораций: стратегия и оценка // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. – 2023. – № 4. – С. 159–165.
5. Гагарина М. В. Устойчивое развитие предприятий в эпоху цифровой трансформации // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2025. – № 1 (57). – С. 51–58.
6. Евдокимов И. А. Управление бизнесом в условиях цифровой трансформации // Научград: наука, производство, общество. – 2025. – Т. 2, № 3. – С. 25–27.
7. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Цифровое здоровье: глобальная стратегия 2024. URL: <https://www.who.int>
8. Росстат. Использование ИКТ в домохозяйствах, 2024.
9. Мельникова Л. А. Роль бизнес-аналитики в условиях цифровой трансформации // Экономические науки. – 2025. – № 244. – С. 302–305.
10. Мизаев М. М., Сугаипов С. А. А., Шоров А. А. Цифровая трансформация в бизнесе: использование инновационных ИТ-решений // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104-14. – С. 73–75.
11. Международный союз электросвязи (ITU). Facts and Figures 2024. URL: <https://www.itu.int>
12. Цифровая грамотность в регионах РФ, 2024. <https://d-economy.ru/analytic/cifrovaja-gramotnost-v-regionah/>
13. Савзиханова С. Э., Эминова Н. Э. Ключевые проблемы цифровой трансформации организации // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2023. – № 1. – С. 60–65.
14. Минэкономразвития РФ. Отчёт о состоянии МСП, 2024. http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Mal_pred_2024.pdf
15. ООН. Цели устойчивого развития. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org>

Сведения об авторах

Султанов Гарун Султанахмедович, к.э.н., доцент кафедры экономической безопасности, анализа и аудита, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Бисултанова Аза Айндиевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование» Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова, Грозный, Россия

Information about the authors

Sultanov Garun Sultanakhmedovich, Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Economic Security, Analysis and Audit, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bisultanova Aza Ayndievna, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance, Credit and Antimonopoly Regulation, Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia